

Ю. АИХЕНВАЛЬДЪ.

Стольтнее горе.

Новый юбилей празднуют теперь русские в России и вне ее, как бы оправдывая этим гордым словом Евгения Замаята: «будущее русской литературы, это — ее прошлое». В данную минуту возвращается мысль к прошлому оттого, что исполнилось сто пятьдесят лет со дня рождения «Горе от ума» — комедии ли? Так символически звучит, особенно в наши дни, ее грустное название. Ведь никогда не испытывал ума, русский ум, такого горя, как теперь; ведь обыватель теперь на родине Грибоедова если не крестный, то бесконечный поход на духовные привности, на умственный труд, и сознательно понимают так уровень образования и культуры. Больше в пять глотать, чем ум, и знаменитый пафос «Пошла глупость» мог бы пять завести на свои ступени лпшии притворяться торжества незыщны. Потому и сокращает грибоедовская пьеса для своих современников всю свою палатку свекости.

Когда-то сравнил Гончаров это произведение со стоагитим стаяном (из июня 1924 года — ромо стоагитим) около которого «вс отжвз по очерки свою пору, умирают и валитса, но который сам «хотеть, бодрый и ствкий, между молчали старух и комбалами новух, людей и клопу в голову не приходит, что на лад, и клопу в его череп». Больше, чем лад, когда-либо, оказывается, Гончаров прав сй хась. Но та самая Москва, которая в плащате годы прошлого века дала Грибоедову столько сдлрического материала, не перестала «не и поплить быть достойным предметом ствой горестной и бичующей сатиры.

Но, конечно, живучесть «Горе от ума» объясняется не только этой общественной стороной его, а в том, по преимуществу — тем, что оно представляет собою высшее достижение искусства. Припомните самый диалог бессмертной комедии:

живой, блестящий, скорый, он движется непринужденно и смело, и каждый раз вспыхивает в нем, будто чешуя змеи, красивая легкая остроумия; точно происходит между персонажами словесный поединок, и скрещиваются гибкая рапира, и почти всегда — так много умила, остро, колкого. Не стигла, а стигает быть в рубц и славаго автора.

А та судьба, которая постигла Чацкого, которую эти стиглеты выгравируют Грибоедов, тоже не отошла в старину, не сдлалася преданием: пять, она все повторялась и повторяется, как вообще повторяется в своих кругооборотах колесо человеческой истории.

Действительно, принадлежит Чацкий к борцам и жертвам идеализма. Этот трагун мостовских салонов, или не услышанный, или не почитаемый, или не принятый, или наоборот одновременно два противоположные типа мировой литературы: Гамлета и Дон-Кихота. Как датский принц, он тоже исполнен критика, размышления, осуждения, и он тоже разочарован, и он тоже должен быть со своих прозванных глаз сбросить внешнюю пелену мечтаний. Чацкого оставаясь безумным, Гамлет же вынужден был безумным притвориться: в концы концов, не все ли это равно? И пять ли чего-то рокового в этой исконной части ума — слыть безумцем?

Тот реальный человек, с которого отчасти списан свой герой Грибоедов, именно Чацкий, был на редкость умен, — и что же? за его «Философическое письмо» (напечатанное уже после «Горе от ума», ума и после смерти Грибоедова) император Николай I велеть считать его сумасшедшим... Сь другой стороны, как Дон-Кихот, Чацкий славном безумно тратит свою энергию и энтузиазм, щедро расстреляв члвчней биеру своих мыслей и рвения, и точно на великого, обрушивается на него внутренняя магия, как велика мелии французомали. Подобно рыцарю печального образа, тудак на Ланкада, он тоже стоит на границе смлшного и скорбного. И это — в связи с тем, что Чацкий страдает не

только потому, что он умен, что он сердечен. Его ум, это — больше, чем рассудок, это — вся личность, нервная, взволнованная, страстная, весь темперамент и натура. Недаром он сам про себя говорит, что ум у него «с сердцем не в ладу». Ум его — холодный, язвительный, беспощадный, а сердце его — ласковое, нежное, и оно бьется, оно «ускоряется» любовью. Но горе его — двойное: от ума и от чувства. Именно в том чувстве, в той любви его, которую он питает к Софье, нашли себя ум Чацкого и сердце Чацкого печальное примирение. Они понесли общую участь. Его «миллион терзаний» составился оппалово, в равной доле, из страданий гражданина и из страданий любовника. Его отвергла Москва, его отвергла Софья.

И замечательно, что одного и того же соперника встретил он себе на обилье своих колеблх, гражданского и сердечного, один и тот же победитель перешел ему дорогу и здесь, и там. Этот победоносный соперник — Молчалин. Говоривший, красноречивый, пламенный Чацкий должен был уступить духу рабского молчания, безгласному лакею жизни, пресерьному Молчалину. Поворный мотив молчания слышится на всем протяжении комедии. «Кому в Москве не залливали рты облы, ужины и танцы?»; «злые языки страшнее пистолета»; даже в гости «являюся помочать»; пугаются того, что «станет говорить княгиня Мария Алексеевна»; «грех не бдти, — молва не хороша»; «эй, завязи на намать услужь: просиль и помочать, — не велика услуга».

В этом обществе молчаливых, боящихся живого и громкого слова, прекрасно живет Молчалин. Он понял секрет житейского успеха, нашел слово загадки, и это слово — молчанье. Он упорно, осторожно, систематически молчит. Его молчанье — знак согласия. Он с жизнью согласен, он ей только поддается, и ему не о чем говорить. Интересно отметить, что и потерпел он случайную и вредную неудачу именно тогда, когда нечаянно

проговорился: ночью, в снах фамусовского дома, в порыв жалкой откровенности с горничной Лизой. Это послужит ему новым уроком, новым поощрением в дальнейшем молчании, и Молчалин вывернется, Молчалин не пропадет и на галтой дороге своего карьеризма окажется несравненно богаче прилежным, нежели благородный Чацкий. И когда, осоробленный в своих общественных идеалах, в своем гражданском негодовании, Чацкий вступил было искать утешения у любимой дщухи и пошлет к Софье, и попросил ее женского участия, то оказалось, что любимая дщуха его не любила, а любила она другого, и этот другой — был... Молчалин, опять Молчалин! Софья не пускает Чацкого на «минути дль» в свою комнату, пять она проводить бдлаи ночи, безгршныа ночи, в чтении и бдлдах — в бдлдах с кем? с Молчалиным, опять с Молчалиным!..

Значит, не нужно было Чаickому из своей дщи так стремиться в Москву, не нужно было ему «необоримую равнину» и дель, и пять «по сибговой пустыне» сблшнть на родину, — родна не оказалась ему гостерпимости, и когда в конце пьесы он жалеть карету, то это полно не только выпитого, но и внутреннего смысла, потому что отплыл он и вправу суждено в дорожной карете проводить свой сдлталческий век. «Вон, из Москвы! сюда и больше не влдохь» — сказал он сам себя; но если бы он этого и не сказал, то, все равно, ему отказали бы в Москве, в России, потому что он не был Молчалиным, потому что он пресвослитель дельца Толстого «не могу молчать», потому что он готов был пострадать во славу слова.

Трагически своевременно юбилей «Горе от ума», так как Чацкий не последняя жертва этого горя, — и горе от ума продолжается...

Ю. АИХЕНВАЛЬДЪ.